

ГОНЕНИЕ ДЕЦИЯ

В последних числах декабря 249 г. н. э. император Деций, осенью этого года посаженный на трон иллирийскими легионами, издал указ, предписывавший всему населению Римской империи принять участие в supplicatio, торжественном молебствии о здравии и благополучии императора и всего императорского дома. Вскоре после обнародования указа началось гонение на христиан и в Африке и в Италии. Естественно было заключить, что в указе (он не сохранился) были параграфы, это гонение предписывавшие. Не сомневались в этом ни современники, ни следующие поколения. Историки церкви, начиная с Евсевия, уверенно объявили Деция гонителем, и еще в первой половине нашего века такой ученый,

как А. Альфельди, писал, что Деций придушил бы железной рукой христианскую церковь, останься он жив ¹. Э. Лизеринг утверждал, что Деций по своей психологии римлянина старого закала хотел восстановить древнее богопочитание ². Не правильное ли, однако, вместо произвольных догадок о намерениях Деция и о его психологии, посмотреть на основании сведений, содержащихся в источниках, как протекало гонение на христиан, о котором идет речь.

Для Проконсульской Африки мы располагаем ценнейшими документами — перепиской Киприана ³, епископа Карфагенского, современника Деция, свидетеля и участника развертывавшихся событий. И то, что мы узнаем от него, сразу же приводит в недоумение относительно предполагаемых намерений Деция.

Людей, отказавшихся принять участие в жертвоприношении капитолийской триаде и объявивших себя христианами, посадили в тюрьму. Единоверцы «толпами» (gregatim) посещают этих «добрых исповедников»; священники в сопровождении дьяконов приносят им причастие (5, II, 1); никто не мешает этим посещениям, и посетители, явно христиане, не боятся, что их схватят и бросят в тюрьму. Киприан пишет своему клиру, как он радуется, что они находятся в безопасности (5, I, 1). Сам он удалился из Карфагена еще до указа Деция, чтобы не раздражать языческую чернь, слишком усердно требовавшую «Киприана ко льву», но поселился недалеко от города: между городом и этим убежищем все время снуют гонцы, которые сообщают епископу, что делается в Карфагене, и привозят от него распоряжения и наставления клиру. Выследить, где скрывается епископ, ничего не стоит; его, однако, просто не ищут. В соответствии с его распоряжениями клир оказывает помощь вдовам, больным, странникам (7, I, 2), узникам и особенно беднякам-христианам, устоявшим в вере (5, I, 2). На христианском кладбище, которое не тронут, хоронят скончавшихся (12, I, 1—3). Деятельность клира вся на виду и скрывать ее, видимо, нет нужды. Никто в нее не вмешивается, никто ей не чинит препятствий. 65 человек из сидевших в тюрьме за отказ участвовать в молебствии отбыли с разрешения проконсула в Рим, где беспрепятственно и устроились (21, IV, 1). Возможно ли было все это, если существовало определенное предписание преследовать христиан? Если проконсул и не горел ревностью к их уничтожению, то не разыскать епископа, оставить в покое клир, т. е. не устранить представителей церкви, арест и казнь или ссылка которых была бы сокрушительным ударом для христианской общины, означало бы такое пренебрежение к императорскому указу, на которое вряд ли бы кто отважился и о котором Киприан не умолчал бы. Он, между прочим, неоднократно упоминает в письмах «коллег своих» епископов других городов, с которыми он в переписке и которые спокойно сидят по своим местам. И все это при наличии указа о гонении?

Дж. Грегг ⁴, написавший об этом времени дельную книгу и не сомневающийся в том, что Деций указом распорядился преследовать христиан, прямо признавал, что не может объяснить, почему карфагенский клир не был арестован. Видимо, потому, что прямого приказа о гонении христиан не было. Эдикт Деция расколол христианскую общину, вызвал церковную смуту и косвенно дал повод для гонения, но гонение не было замыслено

¹ A. Alföldi, Zu den Christenverfolgungen in der Mitte des 3. Jahrhunderts, «Klio», 31, 1938, стр. 323—348.

² E. Lieserling, Untersuchungen zur Christenverfolgung des Kaisers Decius, Würzburg, 1933.

³ Цит. по изд. Байара (Bayard): S. Cyprien, Correspondance, P., 1925: первая цифра означает письмо, вторая — главу, третья — § главы.

⁴ J. G r e g g, The Decian Persecution, Edinburgh — London, 1897.

им. Современникам эдикта и следующему поколению христиан, видевшим временную связь событий, было не до того, чтобы углубляться в поиски действительной их причины, — Деций стал для них предтечей антихриста, «Драконом в шлеме» (Сург., 39, II, 2) и «гносной скотиной» (Lact., De morte persec. 4).

Гонение на христиан в Проконсульской Африке, начавшееся после эдикта, не подлежит, однако, сомнению. Если императорским указом оно предписано не было, то в чем же была его причина? Обратимся опять к письмам Киприана.

Те, кто отказался принять участие в молебствии, были, как уже говорилось, посажены в тюрьму, но не за их веру, а как ослушники императорского указа. Если бы они попали в заключение как христиане, то их многочисленные посетители, включая священников, сразу же оказались бы вместе с ними. Этого, как можно видеть, не случилось, а сами узники были высланы в пределы той же Проконсульской Африки и «на время» (*ad tempus*), в большинстве на год. Все это происходило в конце января или в первой половине февраля, а в апреле того же 250 г. высланные были возвращены в Карфаген и вновь посажены в тюрьму, где их жестоко пытали, мучили голодом, жаждой и духотой, умучивали до смерти (10, II, 1—3; IV, 1—4; 22, II, 1—2). Почему такой крутой поворот? Ответ найдем опять-таки у Киприана.

В письме исповедникам, высланным и еще не вернувшимся из ссылки (13, VI и VII), епископ настойчиво напоминает, что свой подвиг они еще должны довершить: «...Мало достичь, гораздо важнее сохранить достигнутое... не мгновенный успех, а полное завершение успешно начатого сохраняет человека для бога». Там же (II, 1) он приводит, несколько изменив, евангельский текст: «Вот ты стал исповедником; не грешь больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Все это — дипломатическое введение к четко выраженному указанию, как себя вести: спокойствие, смирение и добрый, тихий нрав (*quies et humilitas et honorum morum tranquillitas* — III, 1), вот что подобает исповедникам. Одновременно в письме к клиру Киприан, повторяя свой наказ: «Исповедникам должно быть предоставлено все необходимое», добавляет: «Только пусть будут наставлены вами и усвоят, что они должны быть смиренны, скромны и тихи» (*humiles et modesti et quieti esse debent* — 14, II, 2). Отсутствие этих качеств тревожило Киприана, человека трезвой мысли и острого политического чутья. Он понимал, что христианам, которых государство кое-как терпело, образованное общество не замечало или высмеивало, а языческое простонародье откровенно ненавидело, лучше держаться в тени и не сосредоточивать на себе внимания.

События показали, как основательны были его опасения. «Я слышу что некоторые из вас надмеваются... кое-кто осмеливается горделиво превозноситься» (13, IV, 1—2). Чем? Ответ Киприана при всей его суммарности ясен: «Пока некоторые дерзко превозносились, надменно и беззастенчиво хвастаясь своим исповедничеством, пришли пытки» (*dum quosdam insolenter extollit confessionis suae tumida et inverecunda iactatio, tormenta venerunt* — 11, I, 3: письмо к клиру). Не случайно в обоих цитированных здесь письмах употреблены слова одинаковые или сходные по смыслу (в письме 13: *inflari et tumere; extollere*; в письме 11: *tumida iactatio, extollit*), и чрезвычайно важна эта прямая, непосредственная связь между пытками и заносчивым поведением исповедников. Гордясь своим подвигом, вознесшим их, по их мнению, над темной языческой толпой, они, видимо, задели ее религиозное чувство и толпа ответила взрывом ярости. Высланных исповедников вернули с мест их высылки, где разыгрались стычки между ними и язычниками, и посадили в тюрьму — и в наказание за нару-

шение порядка и спокойствия, и ради умиротворения язычников, требовавших отмщения за обиду родным богам (ср. Eus., Hist. Eccl. 5, 31). Теперь исповедники оказываются в заключении уже не за послушание императору, а за то, что они христиане; их пытаются с определенной целью — добиться отречения (*tamdiu torqueant quamdiu deiciant* — 11, I, 3), которое и свидетельствовало бы о признании ими силы и достоинства отеческих богов, претерпевших теперь обиду от христиан. По Римской Африке прокатилась волна погромов: троем христианам из Капсы пришлось выдержать «нападение неистовой толпы» (*populi frementis impetum*:... 56, I, 1), поволокшей их к магистрату; такому же нападению подверглись в Карфагене некий священник и его спутник, немедленно очутившиеся в тюрьме (6, IV). В каком-то городке священник организовал «славный отряд» исповедников, который привел языческую толпу в такое бешенство, что она, не дожидаясь вмешательства властей, сама расправилась с христианами, побив их камнями и бросив в костер (40, I, 1). Перед нами не планомерное, сверху предписанное гонение, а те «отдельные преследования по городам, поднятые восставшим народом (*μερικῶς καὶ κατὰ πόλεις ἐξ ἐπαναστάσεως δῆμων*)», о которых рассказывает Евсевий (Hist. Eccl. 3, 32, 1).

О том, как отозвался Рим на эдикт Деция, мы ничего не знаем, но по двум безграмотным письмам оттуда (одно из них принадлежит римскому клирику невысокого ранга, другое — исповеднику Келерину⁵) и по переписке Киприана с римскими исповедниками, можем представить себе жизнь римских христиан во время «Дециева гонения».

Епископ римский Фабиан скончался 21 января 250 г. Обстоятельства его смерти неизвестны; к надписи на его могиле монограмма *AR* (*martyr*) прибавлена позже и другой рукой. Отклик Киприана на известие о его смерти⁶ позволяет предполагать, что епископа за отказ принести жертву посадили в тюрьму, где старик и умер, но подтвердить это предположение, сходное по аналогии с другими римскими событиями, нечем.

Аресты христиан в Риме были: 8-е письмо упоминает «братьев в оковах» (8, III, 3); Киприан находится в переписке со священниками Моисеем и Максимом, дьяконами Никостратом и Руфином, сидящими в тюрьме (31 и 37). Епископ римский Корнелий упоминает еще Урбана, Сидония и Келерина (Eus., Hist. Eccl. 6, 43, 5—6, см. также Сург., 54). Посажены они тоже за отказ от участия в молебствии, о чем свидетельствуют сами: «Как славно отказать в повиновении человеческим, кощунственным законам, направленным против веры» (31, III). Аналогия с Карфагеном, впрочем, здесь и кончается. Узники рвутся к мученическому венцу: «Мы еще не пролили своей крови, но готовы пролить ее» (там же, V, 1), однако власти явно не собираются их увенчивать: их не пытаются, не посылают на казнь⁷, им предлагают свободу, если они принесут жертву, но они неизменно «предпочитают по мужественной вере своей тюрьму» (37, I, 3). Исповедники беспрепятственно общаются с внешним миром, находятся в обычных для Рима сношениях с Карфагеном, переписываются с епископом, посылают увещательное письмо карфагенским христианам-отступникам (до нас не дошло); они в курсе событий, волнующих церковь. Условия римской тюрьмы, по видимому, не очень суровы.

⁵ Оба они сохранились среди переписки Киприана (письма 8-е и 21-е).

⁶ Сург., 9, I, 1—2: «... De glorioso exitu... fidei ac virtutis exemplum... per firmamentum fidei imitandum».

⁷ Киприан непременно упомянул бы пытки так же пространно, как пытки карфагенских исповедников (10), но он говорит только о тяготах тюремного режима: голоде, жажде, грязи (57, III, 1) и, надо думать, с риторическим преувеличением: люди, с помощью которых исповедники поддерживали связь с миром, конечно, доставляли им все необходимое для поддержания жизни.

Церковная жизнь в Риме идет своим чередом⁸, как и в Карфагене: такая же широкая благотворительность (помощь вдовам, нуждающимся, узникам, изгнанникам — 8, III, 1—2), которой, как и в Карфагене, никто не мешает. Клар расставляет по дороге на Капитолий, где совершаются жертвоприношения, своеобразные «заставы», которые перехватывали людей, поднимавшихся на Капитолийский холм: «Мы отзывали обратно (*revocavimus*) от того, чего от них требовали» (8, II; сестру Келерина с полпути вернула, вероятно, такая застава — 21, III, 2). Никто этих застав не разгонял, никто не хватал их участников. Не было разъяренной толпы, власти ограничились арестом слишком демонстративных нарушителей эдикта⁹. Карфагенские исповедники приезжают в Рим, рассчитывая именно здесь найти спокойное убежище. Как уже говорилось, однажды их приехало разом 65 человек (21, IV, 1); приезжали и поодиночке (там же, I, 1). В числе нуждающихся в помощи особо названы изгнанники (8, III, 1—2); в карфагенском списке бедствующих их никогда не бывает. Это бегство людей в Рим из накаленной африканской атмосферы служит лучшим доказательством того, что в Риме никакого гонения на христиан нет (а следовательно, нет и по всей Италии). Можно ли было бы рассчитывать на тихое пристанище в городе, где только-только было обнародовано императорское повеление, предписывающее гнать христиан, и где это гонение должно было принять особо жестокие формы, тем более в присутствии самого императора?

В Риме разыгрался исключительный и не вполне ясный эпизод, о котором в различной эмоциональной тональности сообщают и Киприан (39), и Евсевий (*Hist. Eccl.* 6, 43, 6), и друг Келерина Лукиан (22): встреча императора Деция с исповедником Келерином. Почему «сам главный змий, предтеча антихриста» (22, I, 1), «виновник гонения» (39, II, 1) пожелал допросить христианина¹⁰ и почему к нему привели именно Келерина, сидевшего в тюрьме вместе с прочими (37, I, 1), мы не знаем, как не знаем и содержания допроса или беседы. Однако и в восторженном вопле Лукиана: «Ты поразил его ужасом (*terrūisti*)» (22, I, 1), и в риторической метафоре Киприана «Змий в шлеме был растоптан и побежден» (39, II, 2), и в спокойном «победил врага» Евсевия (6, 43, 6) слышен отзвук какого-то реального события. По-видимому, молодой христианин действительно чем-то поразил Деция: высший представитель государственной власти, он должен был наказать ее ослушника, и он это сделал: распорядился его продержать 19 дней в тюрьме «в жилах и железах» (см. 39, II, 3), но затем отпустить на свободу с правом ехать куда угодно.

В Александрии еще за год до появления Дециева указа язычники, поднятые каким-то пророком на защиту родной веры, учинили жестокий погром христиан с убийствами и гребезом (*Eus., Hist. Eccl.* 6, 41, 1—25: рассказ Дионисия Александрийского). После эдикта Деция в Александрии частично повторилось то, что мы видели в Карфагене. Люди богатые, занимавшие видное положение, сразу же устремились к храму, где совершалось жертвоприношение; христиане шли, кто спокойно, кто и неохотно, принуждаемый друзьями. Отказавшихся принять участие в молебствии посадили в тюрьму; пытки, которым их подвергали, и смерть на костре были по существу продолжением старого погрома: толпа присутствовала

⁸ Дюкен (*L. D u q u e n n e, Chronologie des lettres de s. Cyprian, Bruxelles, 1972, стр. 119*) вряд ли прав, говоря о серьезном преследовании в Риме.

⁹ Корнелий, епископ римский (*E u s., Hist. Eccl.* 6, 43, 6), и Киприан (28; 31; 53) называют всего восемь имен.

¹⁰ Не отразилось ли в самом деле в этом эпизоде какое-то желание ближе познакомиться с людьми, отказавшимися от участия в молебствии и в то же время утверждавшими, что они молятся за императора и за весь его дом?

при казнях и требовала смерти для заподозренных в христианстве (Eus., loc. cit. 15—16). Дионисий подчеркивает активность язычников в преследовании христиан: «Много наших людей по городам и селениям погублено язычниками» (Eus., Hist. Eccl. 6, 42, 1).

Приведенные факты подтверждают неоднократно засвидетельствованные Евсевием частичные гонения. Христиан преследует языческая толпа, наэлектризованная сторонниками отеческой религии вроде того «поэта и пророка», который развязал погром в Александрии. Действовали, надо думать, в том же направлении и жрецы. И на помощь им, — может быть, и не так редко — приходили сами христиане, которых излишняя ревность толкала на оскорбление языческих святынь. Если к слепому гнету разъяренной толпы добавлялось со стороны властей раздражение против волновавших ее смутьянов, а иногда и желание приобрести популярность, то беспорядочные волны погрома вводились в официальное русло законного следствия и наказания — «гонение» получало таким образом оформление. Но до правления Валериана не было ни одного гонения на христиан, предписанного императорским указом.

М. Е. Сергеевко

THE DECIAN PERSECUTION

M. Ye. Sergeevko

In the author's view, based mainly on the correspondence of Cyprian, bishop of Carthage, the edict promulgated by Decius in 249 A. D., ordering the whole population of the Empire to participate in a *supplicatio* for the health and well-being of the emperor, split the Christian community and indirectly caused the persecution. This began with mob violence in the localities exacerbated by the fury of zealous paganists and the defiance displayed by a certain part of Christians. But, the author believes, the edict contained no clause directly ordering a persecution. The first such clause came in the reign of Valerianus.